

Александрова В. Новое о Чехове // Новое
русское слово. Нью-Йорк, 1960. 27 ноября.
№ 17429. С. 8.

ЛИТЕРАТУРА

Новое о Чехове

Выход в свет нового тома «Литературного Наследства», издаваемого в Советском Союзе Академией Наук, вот уже скоро припадает лет — само по себе событие в литературоведческом мире. Тем более значительно оно в нынешнем году, отмеченном такими двумя годовщинами, как 100-летие со дня рождения А. П. Чехова и 50-летие со дня смерти Л. Н. Толстого. Очередной, 68-ой, том этого издания посвящен Чехову. Среди громадного и разнообразного материала этой книги особый интерес представляет сейчас раздел «Толстой о Чехове», содержащий «неизвестные» высказывания о Чехове Толстого.

Впервые с Чеховым писателем Толстой познакомился в 1888 году, познакомому, по сборнику рассказов «В сумерках», 15 марта 1889 года Толстой записал в дневнике: «Я читал хорошие вещицы Чех(ова). Он любит детей и женщин, но этого мало...» А через два дня Толстой опять упоминает о Чехове: «Весь вечер сидел один, читал Чехова. Способность любить до художества (иного) прозрения, но пока незачем». То же впечатление вынес Толстой из первой личной встречи с Чеховым, произошедшей осенью 1895 года несколько дней в Ясной Поляне. В письме к своему сыну, Л. Л. Толстому, Лев Николаевич писал: «Чехов был у нас, и он понравился мне. Он очень даровит, и сердце у него, должно быть, доброе, но до сих пор нет у него своей определенной точки зрения...»

Широко известно, как высоко ценил Толстой рассказ Чехова «Душечка». В этой связи интересны некоторые подробности, сообщенные Татьяной Львовной в письме к Чехову от 30 марта 1899 года: «Отец ее читал четыре вечера подряд вслух и говорит, что полюбил от этой вещи... Папа прочел нам также рассказы в сборнике Белинского (речь идет о сборнике «Памяти В. Г. Белинского»), которые тоже ему очень понравились, так же как и всем нам. Особенно хорош «Керосин».

Нужно отметить и другое высказывание Толстого о Чехове, о котором сообщал в письме к Чехову в январе 1901 года Л. А. Сулержицкий (артист М.Х. Т. — его тоже очень любил Толстой). Толстой был огорчен, узнав об отъезде Чехова: «Он очень хотел нас видеть и поджидал нас все время к себе...» Толстой просил Сулержицкого сказать Чехову: «Но непременно передайте ему, что я его очень люблю и всегда был бы рад его видеть» — «как же, как же», — прибавил он несколько раз про себя уже. Дальше Сулержицкий признается, что ему было досадно, что это свидание не состоялось: «Я всегда стесняюсь в таких случаях, — признавался Сулержицкий, — говорить что-нибудь, чтобы не сделаться такой свахой какой-то писательской, мне это противно... А между тем, я сам отлично знаю, что он был бы очень рад вас видеть. Он всегда с большой похвалой говорит о ваших работах и считает вас лучшим писателем. Кстати: прочел он «Трое» Горького и говорит «Теперь уж стар стал и хочется читать больше, чем когда-либо, а вот не мог дочитать «Тю-их». Неприятно просто. Вот этого никогда не бывает с чеховскими вещами. Всегда, даже если вещь не нравится по содержанию, всегда прочтешь всю с большим интересом. Большой художник...»

Но самое интересное в этом разделе представляет, конечно, статья А. Зенгера «У Толстого». В свое время она была напечатана в газете «Русь» (15 июля 1904 года). До сих пор появлялись только выдержки из нее, теперь она воспроизведена полностью. В этой статье Зенгер рассказывает о своем разговоре с Толстым в связи с похоронами Чехова. Толстой прежде всего осведомился о том, были ли речи. Узнав, что по воле покойного, никаких речей не было, он

сказал: «Прекрасно, это прекрасно. Я именно потому и не принимал никакого участия в его похоронах. Я противник всяких демонстраций... Даже и Тургеневу еще — он нарочно ко мне приезжал приглашать на пушкинские торжества — отказал тогда по тем же соображениям; потому что это мой давнишний взгляд: не надо демонстраций никаких, особенно посмертных... Но вот раз вы захотели, я могу вам высказать то, что думаю о Чехове... Чехов, видите ли, это был несравненный художник... Да, да... именно несравненный. Художник жизни. И достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное...»

Дальше Толстой рассказал Зенгеру, как его в книге одного немца поразило упоминание о молодом человеке, выбравшем в качестве подарка для своей невесты книги Чехова. Больше всего ценил Толстой в Чехове его искренность. Вначале язык Чехова показался Толстому странным и даже «нескладным», но когда он читался в него, этот язык «захватил» его. И позже Толстой пришел к выводу, что именно «благодаря этой «нескладности», Чехов «захватывал» необычайно и, точно без всякой воли вашей, вкладывал вам в душу прекрасные художественные образы.

В заключение Толстой сказал: «Я повторяю, что новые формы создал Чехов и, отбрасывая всякую ложную скромность, утверждаю, что по технике он, Чехов, гораздо выше меня!.. Это единственный в своем роде писатель... Я хочу вам сказать еще, что в Чехове есть еще большой признак: он один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать — я это знаю по собственному опыту...»

Интересно в книге и маленькое сообщение Сокольниковой, написанное по поводу «Двух встреч» с Чеховым И. А. Новикова (они были напечатаны в книге «Чехов в воспоминаниях современников», М. 1952 г.). Благодаря своему старшему брату Николаю, талантливому живописцу, А. П. Чехов был близок со многими молодыми художниками, как Левитан, В. Васнецов, К. Коровин и другие. Чехов любил живопись, реалистически изображающую человека и природу, бывал на выставках. Новикову и запомнилась встреча с Чеховым на Передвижной выставке 1900 года. В то время как внимание многих посетителей привлекал портрет какого-то генерала, Чехов предложил Новикову взглянуть на другую картину, особенно понравившуюся ему. Новиков не запомнил, чья это была картина, но и через много десятилетий в памяти его встали ее подробности: «фабричные заводы, вечер, лиловая мгла и молодой рабочий с ребенком на руках; он держит его очень неловко и очень бережно, со скуповатой, может быть, чуть-чуть стыдливой, нежностью, которую не хотел бы показать. Чем-то родственно этому сочетанию чувств было и само восприятие Чехова, и молчание его было для меня, — писал Новиков, — выразительно полно: сам он писал не потому лишь, что умел отлично писать и хорошо знал человека, но и потому, что он человека любил и жалел, и думал, по-своему, об устройстве его неустроенной жизни».

Автора сообщения об этой передвижной выставке заинтересовал вопрос чья была картина, так понравившаяся Чехову. Из опросов и розысков Сокольников узнал, что это была картина «В гости» молодого художника М. С. Пырина, которая так заинтересовала молодых художников, что она была принята на выставку, хотя ее создатель и не был членом общества. На основании изучения творчества Пырина и бесед с художником Сокольников выяснил, что Пырин

был учеником Вл. Маковского, позднее он занимался у Сеюва. Снимок с этой картины помещен в той же книге «Литературного Наследства».

Среди «Неизвестных произведений и рукописей Чехова» читатель найдет еще ранние редакции пьесы «Три сестры» и белую рукопись последнего рассказа Чехова «Невеста». Во вступительной статье к публикации найденного беловика Е. Коншина отмечает, что его появление оттого так значительно, что он является теперь единственным из произведений Чехова, к которому сохранились рукописи, отражающие почти все этапы его создания. Рукопись эта была на Ясена Б. П. Саендротовым, доцентом Пензенского Педагогического института в 1917-1918 году. Он был тогда студентом в Петербурге и нашел ее под переплетом одной из книг по его специальности, купленных на рынке. Много лет он берег рукопись и только узнав из комментариев к рассказу «Невеста» в собрании сочинений Чехова, что беловая рукопись его отсутствует в фонде Чехова, сообщил о своей находке М. П. Чеховой и в 1957 году послал ее как свой дар в Государственную Библиотеку. В связи с этой беловой рукописью особый интерес приобретают воспоминания покойного Вересаева в упомянутой уже книге «Воспоминания современников», ознакомившегося с этим рассказом на вечере у Горького по корректуре и беседовавшего о нем с Чеховым.

Среди мемуарной литературы в настоящий том «Литературного Наследства» вошли воспоминания о Чехове из оставшейся незаконченной книги Бу-

нина (в незавершенном виде они были изданы в Нью-Йорке в 1955 году), воспоминания о Чехове А. А. Альшуллера, со ссылкой на то, что они перепечатываются из нью-йоркского «Нового журнала». К воспоминаниям Альшуллера приложен и портрет Альшуллера 1900 года; очень интересны воспоминания художницы А. А. Хотяинцевой «Встречи с Чеховым», внучки декабриста Ив. Ник. Хотяинцева, не посланного в Сибирь благодаря тому, что его близкий друг Пестель успел перед своим арестом уничтожить документы, компрометирующие Хотяинцева. С Чеховым Хотяинцева встретила в 1897 году в Ницце. Воспоминания иллюстрированы ее рисунками и карикатурами, еще более оживляющие эти несколько страничек, искрящихся юмором и нежной привязанностью к писателю.

Русским американцам будет интересен раздел «Чехов за рубежом», особенно «Чехов в Соединенных Штатах Америки». Первый рассказ Чехова «Дом» в переводе Изабел Хепгуд появился еще в 1891 году. Первый разбор произведений был написан редактором нью-йоркской газеты «Форвард» покойным Абрамом Каганом и появился в нью-йоркском журнале «Форум» в 1899 году. В этом обзоре Каган хвалил Чехова за «совершенную естественность» его слога, называл его величайшим мастером русского рассказа после Толстого. Тремя годами позже, тот же Каган, в статье под заголовком «Мантия Толстого», отметил, что Чехов «один обладал искусством придавать своим героям захватывающую реальность».

В. Александрова